

Павловский Александр Дмитриевич

**Н.И. Пирогов, как военно-
полевой хирург и как
гуманист в военно-
санитарном деле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Дмитриевич П.**
Н.И. Пирогов, как военно-полевой хирург и как гуманист в военно-санитарном деле / Павловский Александр Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 54 с.

ISBN 978-5-521-27016-3

ISBN 978-5-521-27016-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наиболѣе близкій намъ отвѣтъ. На вопросъ французскихъ студентовъ: „что имъ дѣлать?“ онъ отвѣтилъ: „Уходите въ невозмутимый міръ лабораторій и библіотекъ. Каждый день спрашивайте себя, что я сдѣлалъ для своего самообразованія, и настанетъ день, когда Ваша совѣсть скажетъ Вамъ: я кое-что сдѣлалъ для науки и дорогого отечества“. Pasteur образно выразилъ здѣсь значеніе опыта и мысли въ жизни и міровоззрѣніи человѣка. Но всѣ эти отвѣты касаются разума, сознанія, не затрогивая вопросовъ морали. Наши моралисты отвѣчаютъ на послѣдніе такъ: „Смирись, гордый человѣкъ, покорись, гордый человѣкъ... Наша земля нищая, но эту нищую землю исходитъ, благословляя, Христосъ“, говоритъ Достоевскій. „Не противься злу насиліемъ“... „Жизнь есть стремленіе отъ зла къ благу“... „Жизнь есть отреченіе отъ блага личности“. „Истинная любовь всегда имѣетъ въ основѣ своей отреченіе отъ блага личности и возникающее отъ того благоволеніе ко всѣмъ людямъ“ (Л. Н. Толстой. О жизни, стр. 165). Тоже слышится у Пирогова. Онъ оставилъ, уходя изъ попечителей Кіевскаго Учебнаго Округа, два завѣщанія: одно—зрѣлымъ людямъ, другое—юношеству. Онъ завѣщалъ „быть счастливымъ счастьемъ другихъ“. „Я понялъ“, говоритъ онъ первымъ, „что жизнь человѣка для Васъ есть безпрерывная, перѣдко роковая борьба,—чаще всего съ самимъ собою на пути къ совершенству и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ не останавлимаго стремленія къ совершенству“ (Н. И. Пироговъ—Вопросы жизни, т. II, стр. 432), а, прощаясь со студентами въ Кіевѣ, онъ высказалъ имъ еще болѣе широкую заповѣдь:

„Служите вѣрно наукѣ и правдѣ и живите такъ, чтобы составившись могли безупречно вспоминать Вашу и уважать чужую молодость“ (тамъ же, стр. 436). Здѣсь мысль Пирогова возвышается до всеобъемлющей широты, всесторонне охватывая задачи жизни и морали и сливаясь съ такою же мыслью Канта, образно выраженную въ словахъ его: „Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht... der bestirnte Himmel über mir und das moralische Gesetz in mir“.

Этими взглядами и міровоззрѣніемъ опредѣляется направленіе и характеръ дѣятельности въ наукѣ и жизни Н. И. Пирогова—во всемъ далѣйшемъ: и въ военно-полевой хирургіи, и въ военно-полевой санитаріи.

Для выясненія значенія Пирогова, какъ военно-полевого хирурга, остановимся прежде всего на учено-литературныхъ трудахъ его и на ученой хирургической дѣятельности его.

Вступивъ въ профессорскій Институтъ въ Дерптъ, Пироговъ черезъ 5 лѣтъ, 30 ноября 1830 года, защищаетъ здѣсь диссертацию на доктора медицины и отправляется за границу въ Берлинъ и Геттингенъ, на 2 года. Юный и бодрый, полный знаній и надеждъ, ободренный обѣщаніемъ получить кафедру хирургіи въ родной ему Москвѣ, Пироговъ ѣдетъ въ Россію; но судьба начинаетъ зло смѣяться надъ нимъ. Передъ нимъ открывается „тернистый путь славы“...¹⁾). Пироговъ заболѣваетъ по дорогѣ въ Россію тифомъ и попадаетъ въ военный госпиталь въ Ригѣ. На кафедре хирургіи въ Москвѣ графъ С. Г. Строгановъ избираетъ другого—Иноземцева, и Пироговъ восклицаетъ: „Вотъ я москвичъ остался на бобахъ и на госпитальной койкѣ“. Но его спасаетъ проф. Мойеръ, предложившій Н. И. занять его кафедру хирургіи въ Дерптѣ. Здѣсь талантливо профессорствуетъ Пироговъ, читая теоретическую и оперативную хирургію и блестяще оперируетъ въ клиникѣ. Въ Дерптѣ проходятъ его лучшіе годы научнаго труда и творческой дѣятельности. Здѣсь изучаетъ онъ хирургію „по монографіямъ, *но всегда при помощи хирургической анатоміи*, которую я изучалъ на трупахъ“. Пироговъ издаетъ въ Дерптѣ съ 1863 по 1840 гг.:

- 1) Хирургическую Анатомію артерій и фасцій.
- 2) О перерѣзкѣ Ахиллова сухожилья.

Въ 1840 году Пироговъ переходитъ въ С.-Петербургъ, въ Медико-Хирургическую академію, профессоромъ учрежденной по его мысли Клейнмихелемъ кафедры госпитальной хирургіи. Осуществившійся въ академіи проектъ Пирогова приводитъ къ учрежденію госпитальныхъ клиникъ и въ другихъ русскихъ университетахъ. Этимъ осуществляется мысль Пирогова о превращеніи госпиталей въ научныя школы и объ эксплуатаціи госпитальнаго матеріала для цѣлей университетскаго преподаванія медицинской науки. Въ-сѣхъ съ клинкою Пироговъ читаетъ курсъ патологической анатоміи и руководитъ анатомическими работами. Буквально всѣ дни и ночи свои Пироговъ проводитъ въ академіи то за препарованьемъ и анатомическими занятіями, то среди опытовъ, то въ хирургической

¹⁾ Сказки Андерсена. Т. IV. Изд. Сытина. Перев. Марка Вовчка, стр. 149.

клиникѣ, за операціями, то на лекціяхъ. Послѣдніе „отличались замѣчательно ясною дикціей и богатствомъ содержанія“ (Таренецкій). Онѣ посѣщались не только студентами и врачами, но и художниками, дамами и военными. Но тутъ же снова влетаются и терніи въ его жизненный путь: старшій врачъ госпиталя, которому Пироговъ надоелъ своими требованіями объ улучшеніи быта и содержанія больныхъ его клиники, конфиденціально доноситъ „о помянутіи его умственныхъ способностей“¹⁾.

Съ 1840 по 1846 г. Пироговъ издаетъ 6 выпусковъ своей прикладной Анатоміи для судебныхъ врачей. Въ 1845 году вноситъ проектъ объ учрежденіи Анатомическаго института, который и осуществляется, являясь первымъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Въ 1846 году приглашаетъ въ Россію изъ Праги Венцеля Грубера,—знаменитаго русскаго анатома—моего учителя, имя котораго будетъ жить въ устахъ смѣняющихся поколѣній медиковъ академіи, развѣ только паденіе ея стѣнъ заставитъ умолкнуть преданье.

Въ 1847 году публикуетъ о примѣненіи эоира при наркозѣ оперированныхъ раненыхъ на Кавказѣ и первый примѣняетъ неподвижную (крахмальную) повязку на Кавказѣ, на раненыхъ при осадѣ аула Салты.

Въ 1849 г. издаетъ работу о холерѣ—съ атласомъ.

Въ 1851—54 году—Топографическую анатомію на замороженныхъ трупахъ съ 224 гравированными на мѣди таблицами въ 4-хъ томахъ и 4 книжками текста. Эта „ледяная Анатомія“ (проф. Морозовъ)²⁾ Пирогова—трудъ, равнаго которому, по оригинальности замысла и выполненія, нѣтъ въ анналахъ анатоміи, а по количеству труда—для выполненія его мало одной долгой человеческой жизни.

Въ 1854 году онъ печатаетъ Хирургическую Анатомію артеріальныхъ стволовъ—лучшее руководство для практическаго хирурга, по мнѣнію Таренецкаго и Бергмана.

Въ томъ же 1854 году Пироговъ издаетъ: *Анналы Хирургической клиники и о счастіи въ хирургіи*—трудъ, отличающійся

¹⁾ Вертенсонъ. Н. И. Пироговъ. Біографическій очеркъ.

Таренецкій. Очеркъ состоянія кафедры Анатоміи въ Медико-Хирургической Академіи за 100 лѣтъ. Стр. 116.

²⁾ П. И. Морозовъ. Н. И. Пироговъ какъ хирургъ и анатомъ. Труды Общества Кіевскихъ врачей. Т. VІІІ. В. 3. Кіевъ 1908 г., стр. 7.

глубокой правдой клиническихъ описаній и признаніемъ своихъ ошибокъ—публичной хирургической исповѣдью.

Въ 1854 году Н. И. Пироговъ отправляется съ отрядомъ врачей хирурговъ и съ первыми сестрами милосердія, учрежденной по мысли Вел. Княгини Елены Павловны Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія, на театръ Севастопольской войны...

Результатомъ этой командировки являются: Севастопольскія письма Н. И. Пирогова 1854/55, Спб. 1907 г., а въ 1863 г.—по-нѣмецки и въ 1865 г.—порусски, въ Дрезденѣ онъ издаетъ основное по хирургіи сочиненіе: „Начала Общей Военно-полевой хирургіи“—величественный памятникъ состоянія медицинской науки, особенно клинической и оперативной хирургіи, 1-й половины XIX-го вѣка,—до антисептической эры. Книга эта является также единственнымъ полнымъ и правдивымъ памятникомъ состоянія военно-полевой хирургіи и военно-санитарнаго дѣла въ ту же эпоху¹⁾.

Въ 1870 году Пироговъ издаетъ „Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году“.

Въ 1877/78 году мы видимъ престарѣлаго уже Н. И. Пирогова снова на театрѣ русско-турецкой войны, по окончаніи которой появился въ печати 2-хъ томный классическій трудъ его—последній по медицинскимъ вопросамъ—„Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877/78 гг.“.

Затѣмъ одновременно появляются статьи Н. И. Пирогова автобіографическаго, педагогическаго и философскаго содержанія, издаанныя уже послѣ его смерти, въ 1886 г. въ 2-хъ томахъ, подъ заглавіемъ „Вопросы жизни“. Въ нихъ всюду Пироговъ является

¹⁾ Возвратившись изъ Севастополя, Н. И. Пироговъ, утомленный интригами, подалъ съ отставку изъ профессоровъ академіи, потому что „въ жизни каждого человѣка“, пишетъ онъ, „наступаетъ время, когда можетъ и должно заговорить самолюбіе“ (А. Таренскій, стр. 199). Итакъ въ 1856 году прервалась кипучая учено-практическая, анатомо-хирургическая дѣятельность Пирогова. Онъ жилъ око 25 лѣтъ и умеръ 23-го ноября 1881 года. Сколько же онъ далъ бы наукѣ трудовъ, открытій и завоеваній, а отечеству славы за эти 25 лѣтъ, еслибъ окружающіе умѣли беречь и лелѣять эту могучую силу ума, непоколебимой воли, безграничной стойкости за истину въ наукѣ и правду въ жизни? И сколько съ уходомъ проф. Н. И. Пирогова со сцены потеряла анатомическая и хирургическая наука и его ученики?

индивидуалистомъ, а въ педагогическомъ дѣлѣ—защитникомъ правъ человѣка,—сторонникомъ автономіи въ университетскомъ вопросѣ и проповѣдникомъ самосовершенствованія и правды въ жизни до самобичеванія,—до печатной исповѣди въ своихъ ошибкахъ.

Таковъ перечень литературныхъ и ученыхъ трудовъ Пирогова. Въ нихъ, конечно, жизнь его нашла самое благородное выраженіе. Одного этого перечня достаточно, чтобы наполнить душу благоговѣйнымъ трепетомъ восторга передъ служеніемъ Пирогова знанію и научной истинѣ въ жизни. Передъ этой жизнью, наполненной непрерывнымъ, колоссальнымъ научнымъ трудомъ, потомки должны преклониться, какъ передъ благороднымъ образцомъ великаго подвижничества въ наукѣ и стойкой борьбы за нравственные идеалы въ жизни и за „права человѣка“ всюду, будетъ ли это раненый на войнѣ, или ребенокъ въ школѣ.

Этимъ же спискомъ ученыхъ трудовъ Пирогова опредѣляется и весь характеръ и направленіе идей его, какъ военно-полевого хирурга и какъ гуманиста въ военно-санитарномъ дѣлѣ. За свою жизнь Пироговъ сдѣлалъ колоссальную работу, основой которой была еще бѣльшая работа наблюденія и опыта, проявилъ большое оригинальное творчество,—разносторонность, громадную силу воли и устойчивость въ достиженіи возвышенныхъ цѣлей.

Обращаясь къ изложенію хирургическихъ взглядовъ Пирогова, мы должны сказать, что всякое время налагаетъ свою печать на человѣка. Послѣдній въ разной степени отражаетъ міровоззрѣніе и сумму идей своей эпохи. Таковъ Пироговъ. Въ медицинѣ 1-й четверти XIX вѣка были слабо еще развиты не только микроскопическіе, химическіе и физическіе методы изслѣдованія, но и анатомическія знанія. Выдающіеся хирурги, какъ Грефе, Диффенбахъ, не знали анатоміи (см. Пироговъ. Вопросы жизни. Ч. I. Его Автобіографич. воспом.). Специалисты отрицали глазное зеркало (Гельмгольцъ. *Das Denken in der Medicin*, 1877). Въ патологіи были слышны лишь первыя заявленія Рудольфа Вирхова о роли кѣтки въ воспаденіи. Опытъ господствовалъ лишь въ лабораторіи Клодъ-Бернара во Франціи... Пироговъ *ставитъ анатомію самодовлѣющею цѣлью и основой хирургіи* и даритъ наукѣ анатомическія сочиненія, равныхъ которымъ для хирурга нѣтъ и по сіе время. Явившійся въ Парижъ молодымъ профессоромъ хирургіи, но уже знаменитымъ анатомомъ, Пироговъ засталъ знаменитаго хирурга Вельшо

за изученіемъ его Анатоміи, причемъ Вельпо встрѣтилъ Пирогова восклицаніемъ, что не ему—Пирогову—учиться у Вельпо, а наоборотъ—онъ, Вельпо, учится у Пирогова. Анатомическія записки кладутъ печать ясности и точности на умъ и міровоззрѣніе Пирогова и являются источникомъ силы его въ хирургіи. Кроме того, ясный умъ Пирогова всюду ищетъ приложимости идеи къ жизни. Вотъ почему онъ издаетъ Анатомію для судебныхъ медиковъ,—пластическую для художниковъ,—топографическую для хирурговъ. Съ мощнымъ анатомическимъ методомъ, какъ провозглашенной имъ основой хирургіи, Пироговъ выступилъ и на поля брани.

Военно-полевая хирургическая дѣятельность началась для Пирогова на Кавказѣ въ 1857 году, при осадѣ аула Салты. Онъ—первый примѣнилъ здѣсь наркотизацію эфиромъ per os и per anum при операціяхъ, ввелъ неподвижную крахмальную повязку и обогатилъ военно-полевую хирургию цѣнными наблюденіями о пропизывающемъ, болѣе гуманномъ дѣйствіи малой,—въ 2 драхмы вѣсомъ—круглой, мѣдной, черкесской пули, сравнительно съ большекалиберной, круглой свинцовой пулею нашихъ гладкоствольныхъ ружей. Въри въ началѣ въ пользу активной хирургіи на войнѣ, онъ произвелъ на Кавказѣ много ампутацій и вылуценій.

Хирургическіе взгляды свои Пироговъ изложилъ полностью и наиболее ярко въ своемъ классическомъ трудѣ: „Начала Общей Военно-полевой хирургіи. Дрезденъ, 1865“. Здѣсь Пироговъ объединилъ и собралъ всю сумму знаній своего времени по хирургической патологіи и терапіи,—оперативной и клинической хирургіи. Сочиненіе это является *единственнымъ* въ хирургической литературѣ—по широтѣ взглядовъ, оригинальности группировки болѣзней и глубинѣ мыслей. Оно оригинально отъ начала до конца и носитъ всюду печать сильного, глубокаго и самобытнаго ума. Оно—всеобъемлющій памятникъ хирургіи 1-й половины XIX-го столѣтія. Эрудиція Пирогова колоссальна. Онъ знаетъ всю хирургическую литературу своего времени, давалъ всюду мѣткую критику и справедливую оцѣнку и подкрѣпляя литературныя справки своими случаями и наблюденіями.

Одной изъ основныхъ идей для хирурга, по Пирогову, есть ученіе *объ индивидуальности*, „еще вовсе не существующее“ (стр. 2). Личность больного играетъ роль въ каждомъ данномъ случаѣ. Болѣзни представляетъ собою, по Пирогову, не мертвую,

застывшую форму, — нечто обособленное, неподвижное, втиснутое въ опредѣленные рубрики; нѣтъ, болѣзнь есть нѣчто живое, біологическое. Она представляетъ безконечные нюансы, варіаціи и смѣну явленій, — игру мрачныхъ цвѣтовъ и красокъ, соответственно индивидуальности больного. Вотъ почему Пироговъ создалъ такія рубрики видовъ болѣзней, — ихъ нюансы, или семейства: какъ рожа, флегмонозная рожа — рожистая флегмона, рожистый отекъ, блуждающая рожа, гангренозная рецидивирующая рожа, — піемія, септико-піемія, піо-септѣмія, ихорремія. Вотъ гдѣ родилась совершенно новая клиническая болѣзнь, созданная Пироговымъ — *остро-гнойный отекъ*; но и послѣдній есть лишь одинъ изъ варіантовъ безчисленныхъ формъ острыхъ гнойныхъ инфекцій.

Эти прозорливыя и точныя наблюденія Пирогова о клиническихъ формахъ острыхъ, хирургическихъ, инфекціонныхъ болѣзней совпадаютъ со всей суммой нашихъ современныхъ знаній о болѣзняхъ, основанныхъ на успѣхахъ бактеріологін и современнаго ученія объ иммунитетѣ, инфекціи и серо-терапіи.

Наука учитъ нынѣ, что инфекціонная болѣзнь есть дуэль между микробомъ, его ядомъ и организмомъ. Картина ея складывается изъ вирулентности и токсичности микроба и резистентности или воспримчивости организма — и посему представляетъ безконечное разнообразіе прижизненныхъ явленій. Запасы специфическихъ противутѣлъ (рецепторовъ Ehrlich'a) въ клеткахъ, или отсутствіе таковыхъ, при встрѣчѣ съ ядами (антигенами) микробовъ и alexинами, количество и свойства фагоцитовъ (Мечникова), опредѣляютъ, клиническую картину инфекціонной болѣзни. Посему, болѣзнь, по современнымъ воззрѣніямъ, есть процессъ вѣчно новый и безконечно измѣнчивый, какъ сама жизнь, — никогда не учитываемый книжной догмой. Посему и высказанная Пироговымъ, на основаніи только *клиническихъ наблюденій*, основная мысль объ индивидуальности больного и значеніи личности въ картинѣ болѣзни, является глубоко вѣрною и совпадаетъ съ созданными *опытомъ* воззрѣніями на инфекціонную болѣзнь современной этиологической эры въ медицинѣ.

Вторымъ общимъ положеніемъ началъ является требованіе Пироговымъ отъ врача *общаго образованія*. Врачъ-хирургъ долженъ быть основательно знакомъ „съ теоріей хирургін, т. е. съ *общей хирургіей*“. Война требуетъ отъ хирурга хорошей подготовки: „Вос-

пользовался своею школою только тотъ, кто былъ прежде хорошо подготовленъ“ (Начала... стр. 25). „Нужно знать свойства и па-туру этихъ знаменательныхъ явленій, которыя общи всѣмъ травма-тическимъ поврежденіямъ (стр. 5). Явленія эти имѣютъ характеръ ор-гапо-физическихъ процессовъ“ (стр. 6). „Изучивъ ихъ хоро-шенько“, хирургъ найдетъ на войнѣ „помочь больному, въ слу-чаѣ нужды и не зная изъ опыта всѣхъ поврежденій въ частности“.

Пироговъ отрицательно относится въ „Началахъ“ къ меди-цинской статистикѣ, считая ее „далеко еще не рациональною и не научною“. „Медицинскія статистическія данныя есть кушанье изъ изысковъ, которымъ угощаль Эзопъ философа Ксанфа. Они гово-рятъ и хорошее и дурное, смотри по тому, какъ и что заставля-ють ихъ говорить“.

Мысль Пирогова отличается прозорливостью и глубиною. Онъ всегда стоитъ впереди своего времени и, отражая и вмѣщая всю сумму идей и знаній своей эпохи, идетъ впереди ея, зорко глядитъ въ будущее и пророчески угадываетъ грядущія судьбы медицины и хирургіи. „Цифра смертности въ общей сложности должна быть постоянною и опредѣленною. Я убѣжденъ и въ томъ, что наши прачебныя средства и пособія едва колеблутъ общую цифру смер-тности“ (стр. 2). „Я вѣрю въ гигиену“... „Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной“.

Нельзя, конечно, согласиться съ первой половиною мысли Пи-рогова—о безпомощности индивидуальной медицины: Антисептика Lister'a, затѣмъ асептика (Terrier и Bergmann) въ хирургіи дѣйствительно уменьшили общій % смертности отъ операций; успѣхи серотерапіи дифтерита понизили смертность при дифтеритѣ съ 30—40% до 10—15%, а примѣненіе Ehrlich'омъ его хемотерапіи и особенно препарата 606, при лѣченіи сифилиса, знаменуетъ могу-чее, тормозящее вліяніе индивидуальнаго средства на одно изъ ве-личайшихъ социальныхъ бѣдствій—сифилисъ. Однако и здѣсь оста-ется мѣсто возраженію, что эти успѣхи все-таки относятся къ ме-дицинѣ индивидуальной. За то во второй своей половинѣ мысль Пирогова о томъ, что будущее принадлежитъ медицинѣ предохра-нительной—пророчески прозорлива, вѣрна и нынѣ глубоко оправда-лась въ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, медицина симптомовъ временъ Henle—Пи-рогова, благодаря успѣхамъ бактериологіи—renію Pasteur'a и Koch'a,

со 2-й половины XIX-го вѣка стала точнымъ біологическимъ знаніемъ. Дурные соки, *vis medicatrix naturae*, гуморализмъ древнихъ, витализмъ Сталіи и ученія солидаристовъ нанесли себѣ пылѣ гочный экспериментальный учетъ. Симптоматологию временъ Пирогова нынѣ смѣнили констатированіе микробовъ при инфекціонныхъ болѣзняхъ и примѣненіе точныхъ, какъ въ физикѣ и химіи, реакцій иммунитета: таковы пробы туберкулиномъ, малленомъ,—пробы Пиркэ и Кальметта, реакціи Груберъ-Видаля на склеиваніе микробовъ и Вассермана при сифилисѣ, реакція опсопиновъ и др. Прогрессъ въ теоретическихъ областяхъ медицины отразился во всѣхъ практическихъ отрасляхъ ея—въ жизни страны, экономикѣ, счастьѣ народа: таково вліяніе сибиреязвенныхъ вакцинъ Пастера, туберкулина, малленна,—таково же вліяніе метода Пастера на смертность отъ бѣшенства и вакцинаціи—на смертность отъ холеры и чумы,—вліяніе серотерапіи на смертность отъ дифтерита и др. Отсюда же возродились новыя отрасли терапіи въ видѣ Броунъ-Секардовской органотерапіи и опотерапіи, а равно и возрожденіи фізіотерапіи (х-лучи, Гінсен'овскіе лучи, радій, климатъ, минеральныя воды, покой, гимнастика, движеніе, массажъ, діететика). Современная діагностика научно точна, а прогнозъ проченъ и твердъ. Отсюда моральность изученія медицины—резонъ быть медикомъ, ибо врачъ—пылѣ руководитель общества. Идеаль медицины нынѣ измѣнился. Девизомъ ея стала мысль Пирогова—предохранять общества и народы отъ болѣзней, воспрепятствовать, остановить эпидемію. Медикъ нынѣ болѣе практикъ въ общественной гігіенѣ, чѣмъ врачеватель. Усилія его сливаются съ усиліями гігіенистовъ, филантроповъ, экономистовъ, инженеровъ, до законодателей включительно. Отсюда международныя конференціи и конгрессы. Медицина соединяетъ всѣ народы, устранивая санитарное равновѣсіе, подобно дипломатамъ, устраивающимъ политическое равновѣсіе. Она—учительница людей и организаторъ челоуѣческой жизни. У ней нужно спрашивать правилъ физической жизни и здоровой морали. Она—могучій соціальный факторъ. Такимъ образомъ, мысль Пирогова: „Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной“—глубоко справедлива и нынѣ совпадаетъ съ основными принципами и задачами медицинской науки и чаяніями медиковъ. Мысль эта осуществилась уже въ жизни, какъ реальная дѣйствительность.

Военно-полевая хирургическая дѣятельность сводится на практикѣ къ изученію огнестрѣльныхъ раненій и травматическихъ поврежденій. Опытъ Пирогова о военно-полевыхъ поврежденіяхъ громаденъ. Его трактаты о травматическомъ сотрясеніи головного и спинного мозга и о шокѣ классически точны и ярки. Его патолого-анатомическая характеристика тяжелыхъ сотрясеній мозга—точечныя кровоизліянія въ мозгу—описаны имъ впервые и сохраняютъ понынѣ всю полноту научной цѣнности. Его описанія мѣстной окончательности и асфиксіи при тяжелыхъ травматическихъ поврежденіяхъ отличаются полнотою и новизною.

Въ ученіи о давленіи на мозгъ Пироговъ справедливо придаетъ важное значеніе ушибу мозга, нарушенію цѣлости *durae matris* и прогрессивности развивающихся припадковъ. Нагноеніе мозга проявляется смѣсью явленій угнетенной и возбужденной дѣятельности мозга.

При изложеніи ученія объ огнестрѣльныхъ ранахъ Пироговъ, какъ и вездѣ, ясно и просто высказываетъ центральную мысль: „Масса, скорость и мѣткость—вотъ 3 условія, которыми определяется вообще степень разрушительнаго дѣйствія метательныхъ тѣлъ“. Онъ подробно описываетъ огнестрѣльныя раны, какъ мягкихъ тканей и костей, сосудовъ и нервовъ, такъ и полостныя, и удивительно, что мысли его о характерѣ раненій, высказанныя 50 лѣтъ назадъ, цѣнны и до сихъ поръ.

Такъ уже въ 1865 году онъ пишетъ, что преимущество будетъ „на сторонѣ пули малой съ сильной скоростью полета и мѣткостью направленія“ (244 стр.).

И, дѣйствительно, современные оболочечныя пули ружей Лебеля, Ли-Метфорда, Мосина, Маузера и японскія Арисака, обладающія громадной начальною скоростью полета (отъ 600—720 метровъ въ секунду) и наименьшимъ калибромъ, при сохраненіи всѣхъ другихъ балистическихъ качествъ, имѣютъ громадныя преимущества передъ старыми пулями, т. к. онѣ выводятъ большее количество лицъ изъ строя, но въ смыслѣ сохраненія большаго числа жизней раненыхъ являются дѣйствительно болѣе гуманными. Вообще, всѣ разсужденія Пирогова о характерѣ огнестрѣльныхъ раненій, въ зависимости отъ балистическихъ свойствъ снаряда (несмотря на то, что онѣ относятся до болѣе крупныхъ пуль Бердана, Пибоди и Шасспо), отличаются чрезвычайною простотою, ясностью и убѣдительностью. Всѣ